

МАРИЯ ВОРОНОВА

Апельсиновый сок

Мария Владимировна Воронова

Апельсиновый сок

Серия «Еще раз про любовь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8913170

Воронова, Мария Владимировна. Апельсиновый сок: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-73697-3

Аннотация

Вероника Смысловская прекрасно выглядит, у нее престижная работа и многолетний роман с талантливым нейрохирургом. Но собственная жизнь кажется ей сплошной чередой потерь, ведь в юности она мечтала о другой профессии, о другой любви... Почему ее мечты никогда не сбываются? После переезда из Москвы в Петербург в жизни Вероники появляются новые люди. Среди них – Лука Ильич Громов. Судьба готовила ему блестящее музыкальное будущее. Почему же оно не состоялось? Может быть, просто есть люди, не созданные для счастья, и они оба, и Вероника, и Громов, принадлежат к их числу? Но жизнь всегда сложнее наших представлений о ней. И луч надежды может осветить ее в самый неожиданный момент, когда кажется, что все закономерности раскрыты и рассчитывать не на что...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мария Воронова

Апельсиновый сок

© Воронова М. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Я ненавижу апельсиновый сок!

Такая тоска берет от вида высокой глиняной кружки, которую каждое утро я наполняю до краев свежавыжатым соком. Кто сказал, что сок нужно пить из кружки? И что кружка должна быть высокой, узкой и обязательно глиняной? Неизвестно почему, но однажды я решила, что это важно. И вот уже много лет каждое утро меня ждет одно и то же: сок и черный кофе в микроскопической чашке, по форме напоминающей коньячный бокал. Кофе я тоже не люблю, просто так принято в хорошем обществе, к которому я себя причисляю.

Правильный завтрак – прелюдия дня, потом меня ждет такой же правильный обед и ни в коем случае не позднее шести вечера ужин. Еще меня ждет престижная и хорошо оплачиваемая работа, где приходится перебирать кипу бумаг, такую же неизменную и ложно-многозначительную, как кружка апельсинового сока. После службы по четным числам два часа в фитнес-клубе, а по нечетным – поход по магазинам, уборка или отдых перед видиком. В выходные – приезд любовника или поездка в Питер к нему же. Но чертов сок настолько поработил меня, что и проснувшись утром в Диминой постели, я первым делом хватаюсь за соковыжималку.

«Так все и будет, пока ты не сдохнешь, – говорит мне кружка каждый раз, – я не покину тебя до глубокой старо-

сти, пока врачи не запретят тебе апельсины. Тогда я, так и быть, от тебя отстану, но, увы, будет слишком поздно что-то менять. В твоём ухоженном теле, которое ты так лелеешь, никогда не зародится новая жизнь. Это тело дивной красоты состарится и умрет, заботливо подпитываемое правильными продуктами, но ни один мужчина не будет вне себя от счастья, прижав тебя к своей груди. Ты – красивая, подтянутая, самостоятельная, доброжелательная, любящая и бог знает какая еще – оказалась никому не нужна...»

Я хочу разбить мерзкую кружку, швырнуть об стену, чтобы осколки разлетелись во все стороны, но что изменит этот отчаянный бунт? Даже если я никогда больше не возьму в рот ни капли сока, прекрасный принц не придет и не освободит меня из заточения. Куда бы я ни бежала, стены своей тюрьмы я возьму с собой. Тюрьмы, в которую я посадила себя много лет назад, думая, что она спасет меня от прежней Вероники. А теперь я думаю, что прежняя Вероника была, может быть, вовсе не так отвратительна... Но она не вернется, даже если я этого очень захочу. Она не вернется.

Каждый раз, собираясь на фитнес, Вероника Смысловская гадала, встретит ли она Марьяшу. «Хоть бы сегодня пронесло», – мечтала она, укладывая в стильный рюкзачок спортивный костюм и принадлежности для душа. В министерстве она всегда выдерживала строгий деловой стиль, зато отводила душу в спортклубе, являясь туда в спортив-

но-мальчишеском облачении. Кроссовочки, короткие джинсики «от долгов бегать», красная куртка в талию и легкомысленный рюкзачишко помогали ей выглядеть совсем юной, и Вероника, пока шла на фитнес, собирала неплохой урожай заинтересованных взглядов мужчин всех возрастов. Иногда с ней пытались познакомиться молодые парни, что, разумеется, бодрило, но стоило в раздевалке появиться грузной фигуре Марьяши, облаченной в небесно-голубые джинсы со стразами и кофточку, непременно яркую и цветастую, как от хорошего настроения не оставалось и следа.

Марьяша между тем считала себя лучшей Вероникиной подругой. Заведующая гинекологическим отделением одной из престижных московских больниц, она дружила со Смысловской не потому, что та служила в министерстве и могла быть Марьяше полезной, а по старой памяти: когда-то они работали вместе, потом много лет ничего не знали друг о друге, пока не встретились на научно-практической конференции.

Если бы не Марьяшин напор, Вероника свела бы общение к нулю, но тайфун остановить невозможно. Подруга принадлежала к той категории людей, которые ни секунды не могут усидеть на месте.

Вечно ей нужно было куда-то спешить: на распродажу, где можно купить дубленку почти даром, красить кухню у таинственного Ивана Ивановича, который был известен Марьяше только тем, что самостоятельно не мог с этим справиться-

ся... В сладкое субботнее утро Марьяша могла вломиться к Смысловской с требованием немедленно ехать на дачу дышать свежим воздухом. И Вероника покорно посещала распродажу, где убеждалась, что дубленки редкое дерьмо, хоть и даром, неумело красила стены и честно пыталась расслабиться в шезлонге в Марьяшином саду, в то время как хозяйка вскапывала грядки не хуже бульдозера. «Она же в гости меня пригласила, ни за что не буду грядки копать», — убеждала себя Вероника, однако вставала и принималась за работу.

Иногда ей казалось, что Марьяша нарочно опекает ее, наслаждаясь сознанием того, что у нее, толстой и некрасивой, жизнь сложилась в сто раз лучше, чем у эффектной Вероники. Вероника пыталась отвоевать у Марьяши роль старшей подруги, платила за нее в кафе на правах более состоятельной женщины, пеняла на отсутствие вкуса в одежде и доисторическое мелирование: красить волосы с помощью шапочки, когда весь мир давно перешел на фольгу, — варварство!

Но на Марьяшу эти шпильки, замаскированные под добрые советы, совершенно не действовали. Прослушав Вероникину лекцию о хорошем вкусе, она ехала на вещевой рынок, где безошибочно выбирала самую аляповатую тряпку. При виде ярких цветочных узоров Марьяша теряла способность здраво рассуждать.

Ей все равно, как она выглядит, понимала Вероника, в глазах мужа она всегда самая красивая. А деньги... Да, я го-

раздо богаче ее, но на все мои сбережения мне не купить Марьяшиного счастья.

Временами ей больно было смотреть на подругу. «Господи, почему?! – хотелось ей спросить. – Почему ты дал ей все то, о чем просила я? Почему отмерил ей счастья полной мерой, а со мной всегда поступал, как с ребенком, которого сажают за стол и спешно убирают все, к чему он потянется? Разве я недостойна счастья?

Эсфирь Давыдовна говорила, что счастье – это труд и смирение, но я трудилась никак не меньше Марьяши! И не мечтала о чем-то неисполнимом. Все, что мне нужно, – это счастливая семья».

Она понимала, что чувство, бурующее ее, называется завистью, но ничего не могла с собой поделать. И от этого настроение портилось еще сильнее.

Как обычно, в зале Марьяша встала рядом с Вероникой. Она вяло отпрыгала разминку, а потом с видимым удовольствием устроилась на коврик и стала небрежно помахивать могучей ногой.

«Зачем ходить, если на занятии валяешь дурака?» – желчно подумала Вероника и, стиснув зубы, приступила к третьему подходу упражнения на ягодичные мышцы. Это было сложное упражнение, мало кто мог продержаться до третьего подхода, поэтому Вероника с чувством законной гордости поглядывала на поверженные тела. Она всегда доделыва-

ла упражнение до конца, как бы трудно ни было, но сейчас, глядя на ленивую Марьяшу, вдруг подумала: «К чему этот героизм?»

Подруга тем временем вытащила на свет божий мобильник, до этого надежно припрятанный между пышными грудями.

– Что? – громко спросила она, думая, что за музыкой ее никто не слышит. – Не будете ставить диагноз без старых стекол?.. Мало ли что было раньше, я хочу знать, что вы видите сейчас! Главное – есть рак или нет, в деталях потом разбираться будем... Я понимаю, что трудно! Но если что, поедете на комиссию по изучению неправильных гистологических диагнозов! С собой возьмете теплые вещи и сухарей на три дня. Я серьезно говорю, давайте уже заключение, мне с пациенткой делать что-то надо!

– Вот робкий патанатом нынче пошел! – пожаловалась она Веронике, хлопком закрывая мобильник. – Жметса, как девушка на выданье.

– Такая специфика! – От физического напряжения Вероника еле могла говорить. – У меня сестра гистолог, так они иногда всем моргом по десять раз стекла пересмотрят, пока к правильному заключению придут. Это даже при плановой гистологии, а об экспресс-биопсии я вообще молчу. А за границей, прежде чем ставить диагноз, стекла рассылают трем врачам и сравнивают три независимых заключения.

– Вот нашему бы так! Мало своих случаев, так еще за дву-

мя другими докторами пересматривать. Глядишь, и хамить бы времени не нашлось.

Тут Марьяше снова позвонили, и она, забыв про фитнес, принялась выговаривать кому-то:

– Госпитализировать... Нет, в коридор не надо. Если нет мест в общих палатах, положите пока в отдельную... Ну и что, что проститутка? Работает ведь человек, а у нас всякий труд почетен... В отдельную, я сказала! Тоже еще, монашки нашлись, – рассердилась она и опять громко хлопнула телефоном. – Воинствующая добродетель.

– Марьяш, а зачем ты ходишь на занятия? – спросила Вероника, когда они втроем, вместе с Марьяшиным мужем, посещавшим тренажерный зал, расположились на крыльце клуба покурить. – Мне кажется, вовсе не ради фигуры.

«Посмотри же наконец, на какой жирной и рыхлой бабе ты женат!» – такой скрытый смысл содержала эта невинная фраза, но супруги его не разгадали.

Они переглянулись и хихикнули.

– У нас там дети шпилятся, – пояснила Марьяша.

– Что-что они делают?! – уставилась на нее Вероника.

– Дочку замуж выдали за курсанта, а у нас маленькая двушка, комнаты смежные. Вот и уходим вечерами из дому, пусть молодые побесятся. Сначала мы просто гуляли или в кино шли, а потом ты сказала, что ходишь на спорт, так я подумала: почему бы и нам не ходить?

– А вы зята, может быть, и прописали? – замирающим голосом спросила Вероника.

– Ну да, а что делать? Мы пожили, пусть теперь дети проживут.

Этого Вероника уже совсем не могла вынести. Пробормотав, что очень спешит, она побежала ловить машину и даже не предложила подвезти супругов. Сердце разрывалось от зависти теперь уже не к Марьяше, а к ее дочери. Ну за что ей такая мудрая и понимающая мать, за какие заслуги?

Вероника Смысловская мыла посуду после завтрака на Диминой коммунальной кухне. Соседи поглядывали косо – по какому праву она, посторонняя женщина, занимает раковину? – но делать замечания не осмеливались. Тощая Люба, впрочем, выражала негодование взглядом, пытаясь генерировать волны презрения к Веронике, женщине без штампа в паспорте, остающейся ночевать у мужчины. Это было частью ритуала. Миллеру, ясное дело, ничего не стоило самому помыть посуду, которой после здорового завтрака было немного, но Веронике нужно было показать, что она вовсе не презирает скучный быт своего любовника.

Поразмыслив, она отправила расплзшуюся губку в помойное ведро и взяла из шкафчика новую, не уверенная, что столь смелый поступок не вызовет у Димы раздражения. С ним никогда нельзя было чувствовать себя спокойно, и в то же время он был так тоскливо предсказуем... «Либо обидит-

ся, что я хозяйничаю, либо решит, что я так намекаю на его неаккуратность, и тоже обидится. С другой стороны, этим фрагментом дохлой кошки мыть тарелки невозможно, и если бы я оставила все как есть, он вполне мог бы упрекнуть меня в нечистоплотности... Как с ним сложно. Как с ним сложно!!!»

Додумать эту горькую мысль ей помешали звонки в дверь. Она, никогда не жившая в коммунальных квартирах, не считала их количество, но, увидев, что соседки как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами, поняла, что гости пожаловали к Диме. Что ж, двенадцатый час, не так уж и рано.

Сама она уже много лет жила так, что в любой момент была готова предстать перед посторонними людьми и предъяснить к осмотру свое жилище, но вот Миллер... Задача, пожалуй, сложнее, чем про губку для мытья посуды. Имеет ли она право открыть дверь, то есть решить за Диму, принимать ему гостей или нет? А вдруг он не хочет, чтобы его знакомые знали, что она ночует у него?..

– Вы собираетесь открывать или думаете, что здесь для вас есть специальные швейцары? – с невыразимым сарказмом спросила Люба, и Вероника, радуясь, что сложную проблему решили за нее, защелкала древними замками.

Она никогда не промышляла квартирными кражами, но даже ей было ясно, что замки давно следует поменять. Сам Миллер, и тот управлялся с ними с трудом, полностью кон-

центрируясь, чтобы уловить момент, когда «штырек пошел».

Штырек пошел, и Вероника распахнула дверь, на радостях даже не поинтересовавшись, кто пришел.

На пороге стоял Ян Колдунов с женой и ребенком – подростком мужского пола. Это немного смутило Веронику, знавшую, что подобных экземпляров в широком ассортименте колдуновских детей вроде бы нет... Или она, эгоистка несчастная, забыла?

– Приятный сюрприз! – сказала она, целуясь с супругами. – Проходите, сейчас сварю кофе.

– И дай что-нибудь пожрать! – Колдунов подтолкнул ребенка в коридор. – Мы сегодня проспали и не успели позавтракать.

– А куда вы спешили? Выходной же, – сказала Вероника, чтобы скрыть охватившую ее зависть. Колдунов так пылко посмотрел на свою Катю, что невозможно было не понять, отчего они проспали.

– Петьке рентген надо было сделать. Этот обормот челюсть сломал, представляешь?

– Как это он ухитрился? Упал?

– Ага. На чей-то кулак. И, кажется, не один раз. – Катя нежно посмотрела на ребенка, будто он получил не увечье в драке, а как минимум Нобелевскую премию по физике.

Колдунов приобнял мальчика, и тот широко улыбнулся, обнажив проволочную конструкцию, фиксирующую нижнюю челюсть по отношению к верхней.

– Зато брекеты в ближайшее время не понадобятся, – засмеялась Вероника. – Только я не знаю, чем угостить молодого человека. У нас ни бульона, ни кефира... Сок если только. Что ж ты такой драчливый? – спросила она у подростка.

– А каким еще ему быть? – ответил за него Колдунов. – Это же Елошевичей сынок.

Вероника немного напряглась. «Прежде чем выйти за Елошевича, его нынешняя жена Наташа считалась невестой Миллера. Правда, они расстались по Диминой инициативе... Значит, этот мальчик Петя – Наташин сын, – сообразила она, – Елошевич приходится ему отчимом... Или он его усыновил?»

– По сравнению с Елошевичем любой средневековый дуэлянт покажется маменькиным сыночком, – пояснил свою мысль Колдунов. – Думаю, когда Толя появился на свет, акушер, имевший неосторожность шлепнуть его по попе, тут же получил сдачи пяткой в нос. Вот теперь Петюнчик династию продолжает. Сколько я на него зеленки извел, ты не представляешь!.. Слушай, а что ты нас в коридоре держишь? Или Димка спит еще? Если мы неудачно пришли, ты так и скажи.

– Нет, что вы! – спохватилась Вероника. – Очень хорошо, что пришли. Заходите в комнату.

– Мы с восьми утра на ногах, устали ужасно, – пожаловался Ян, – а еще нужно по магазинам пройтись.

Колдуновы вошли в комнату, сняли куртки и повесили их на вешалку в углу – Вероника ненавидела эту вешалку, при-

дававшую комнате невыносимо сиротский, неуютный вид. Но в ответ на предложение купить гардероб или шкаф-купе Дима всегда отнекивался, уверяя, что в ближайшем будущем коммуналку обязательно расселят и глупо покупать вещь, которая может не поместиться в новом жилище. Вероника считала, что нужно не ждать подарков от судьбы, а либо с доплатой менять комнату на квартиру, либо благоустраивать то, что есть. На это Миллер обычно отвечал, что не нуждается в советах, и разговор прекращался. Конечно, разумнее всего было бы зарегистрировать брак, и тогда он мог бы поселиться в ее питерской квартире. Но, увы, он не готов был оказаться хоть в какой-то зависимости от Вероники...

При виде гостей Миллер, работавший за компьютером, вежливо встал и пересел на диван, показывая, что готов к общению. По его сдержанному приветствию невозможно было понять, рад он Колдуновым или раздражен тем, что ему мешали заниматься.

– Что вы собираетесь покупать? – спросила Вероника у Кати. – Я тоже, может быть, с вами пройдуся, если возьмете.

– Да мы за детскими вещами собрались, – сказала та и тут же смутилась, вспомнив, что у Вероники нет детей. – На них все просто горит, – затараторила она, чтобы сгладить неловкость, – и мы еще обещали девочкам лошадь купить.

– Живую? – удивилась Вероника.

– Не лошадь, а волшебный Пегас! – сказал развалившийся на диване Ян. – Сколько раз тебе повторять.

– Это набор такой для Барби, – объяснила Катя. – Принцесса Аника у них уже есть, вот лошадь теперь надо. То есть волшебный Пегас.

– Но они же у вас уже взрослые. Сколько им, тринадцать? – мысленно подсчитала Вероника. – И они еще в куклы играют?

– Пусть лучше в куклы играют, я тебе скажу, – сурово произнес Ян.

«А я вот в тринадцать лет читала Воннегута и Цвейга, – грустно подумала Вероника, и, разумеется, мечтала встретить великую любовь. А еще я всерьез интересовалась всякими философиями, ни названия, ни сути которых уже не помню, и считала себя совершенно взрослым человеком. Кажется, это называется «метафизическая интоксикация». Но ведь и раньше рядом со мной не было ни одного человека, который бы интересовался, какую игрушку мне хочется иметь. Может быть, поэтому я и ударилась в философию?»

– Детство должно продолжаться столько, сколько ему положено, – будто подслушал ее мысли Колдунов. – Вот говорят: раннее взросление! Да, нынче они начинают половую жизнь чуть ли не в двенадцать лет, но это еще ничего не значит. Это всего лишь более продвинутый уровень игры в дочки-матери. Вот я, помню, в начальной школе с девочкой дружил, так мы к ней домой после уроков приходили и играли в мужа и жену. Разогревали суп, обедали, делали уроки, а потом – Петька, не слушай! – раздевались до трусов и ложились

в кровать. Дальше мы просто не знали, что делать. А если бы в те времена по телевизору показывали то, что теперь, я бы, думаю, не растерялся.

— Мы тоже так думаем, — полным яда голосом произнесла Катя.

— Так что, чаю нальют в этом гостеприимном доме? И, позволю себе повториться, я бы поел чего-нибудь.

Вероника вышла на кухню. «Ян прав, — думала она, поставив чайник на плиту, — люди, рано вырванные из детства, не вырастают более устойчивыми к невзгодам, как это принято считать. Они просто наращивают защитную скорлупу, под которой так и остаются детьми. Если бы я в тринадцать лет играла в куклы, вместо того чтобы пытаться переосмыслить Библию, возможно, мои представления о мире были бы более реалистичными. Правда, девочки Колдуновых перенесли больше горя, чем я, но остались, насколько я могу судить, добрыми и уравновешенными детьми. Почему? Любовь, наверное. Искренняя, самоотверженная любовь Кати и Яна помогла им справиться. Родительская любовь, как морилка, — мысленно усмехнулась Вероника, — если обработаешь ею кусок дерева, то он сто лет простоит, а если нет — быстро сгниет, или его жучки сточат».

Она бросила в кипящую воду макароны и принялась тереть сыр. Это было все, что она могла предложить Колдунову. Мальчика же, с его конструкцией во рту, и вовсе было нечем кормить. Подумав, она стала делать гоголь-моголь.

Тем временем нетерпеливый Колдунов пришел на кухню и принялся требовать свою еду. Вероника сунула ему в руки тарелку с макаронами.

– А кетчуп?

Она молча подала бутылку. Он подозрительно уставился на этикетку.

– С уральским хреном? Мило. Слушай, а можно я здесь поем? Я вообще-то хотел поговорить с тобой наедине.

– Хорошо. Подожди, я отнесу чай и буду в твоём распоряжении.

Она взяла тяжелый поднос с высокими бортами – кажется, антикварная вещь баснословной цены, доставшаяся Миллеру от аристократических предков – и, мысленно извинившись перед нарисованным китайским драконом, поставила на него чайник, сахарницу, вазочку с печеньем и Петькин гоголь-моголь.

Колдунов взял у нее поднос и отнес его сам, Веронике осталось только расставить на столе чашки. Мимоходом она отметила, что мальчик ожесточенно жмет кнопки своего мобильного, а Миллер и Катя увлечены беседой об особенностях исполнения бетховенских сонат. Это была их любимая тема: Миллер неплохо разбирался в классической музыке, а Катя, выпускница консерватории, до замужества преподавала в известной музыкальной школе, и ее ученики не раз побеждали на конкурсах. Следовательно, занимать гостей не требовалось, и Вероника с Яном вернулись на кухню.

Он тут же припал к тарелке с макаронами, она закурила и поймала себя на мысли, что с удовольствием наблюдает за тем, как жадно он расправляется с нехитрой едой.

«А ведь мне никогда не нравилось смотреть, как ест Ди-ма, – растерянно подумала она. – Я всегда старалась кормить его хорошо, красиво сервировала стол, но никогда не чувствовала такой радости, как сейчас. Хотя Ян совершенно чужой мужчина, и я никогда не была в него влюблена...»

– Знаешь, мне неловко просить, – сказал он с набитым ртом, – и моя просьба в любом случае ни к чему тебя не обяжет. Просто я подумал, вдруг у тебя есть возможность... А если нет, то я, разумеется, не обижусь...

– Ты меня заинтриговал.

– Короче, не можешь ли ты найти мне какую-нибудь работу? – наконец выговорил он, быстро посмотрел на Веронику и снова принялся за еду.

– Не поняла. Ты что, уволился?

– Нет. Я еще раз повторяю, специально ничего искать не надо, но вдруг что-нибудь промелькнет...

– Ты хочешь в Москву?

– Нет, что ты! Куда мне переезжать с такой семейкой? Но у тебя же и здесь, в Питере, связи.

– Послушай, но ведь и ты не пустое место. Ты один из лучших хирургов города, почти бренд! Одни хотят у тебя оперироваться, другие учиться. Да тебя где угодно с распростертыми объятиями примут.

– Вероника, дело в том, что я хочу завязать с хирургией. Она поперхнулась дымом.

– Ты?! Не может быть!

– Может. Ты только представь, как я жил все эти годы! –

Он даже отложил вилку, хотя в тарелке еще оставалась еда. – У меня двадцать лет врачебного стажа, не считая того, что с первого курса академии я целые дни проводил в клинике, учился оперировать. То есть все эти двадцать пять лет замкнутый цикл: работа по десять-двенадцать часов в сутки, потом домой, стакан коньяка и спать. А по дороге домой, и дома, и даже в постели с женщиной я думал о своих пациентах. Вероника, вдумайся, двадцать пять лет! И только недавно я понял, что жизнь состоит не только из работы. Помнишь всякую литературу про помещиков, Евгения Онегина? Я всегда думал: как же это они жили и ни фига не делали? Бедные, они ж, наверное, с ума сходили от безделья! А теперь я больше всего на свете хочу жить, как они. Утром просыпаться рядом с Катей, потом завтракать вместе с ней и детьми, отправлять детей в школу, а самому идти чистить снег или в доме что-нибудь чинить...

– Евгений Онегин ничего не чинил, – засмеялась Вероника. – У него для этого дворня была.

– Не важно! – отмахнулся Колдунов. – Вот слушай, на днях я повел девочек на каток. А там народу – как холерных вибрионов в чашке Петри! И взрослые поддатые мужики гоняют, того и гляди, детей посшибают. Пришлось мне тоже

коньки надеть. Начали кататься, я Олю с Леной разным элементам учил, а потом Лена стала падать, я ее подхватил... В общем, получил коньком по одному месту со всей дури!

– Брр! – вежливо посочувствовала Вероника.

– У меня в глазах темно, боль адская, а нельзя ни обезболивающий эффект с помощью матерных слов устроить, ни схватиться за ушибленное место... Ничего нельзя, я же с юными леди, типа! Сижу на льду, девчонки меня обнимают, плачут... И вдруг я почувствовал себя таким счастливым!..

– Но ты не можешь не работать. Кто же тогда будет содержать твою семью? – безжалостно прервала она его монолог.

На самом деле Вероника очень расстроилась, слушая Колдунова: у нее-то никогда не было ни детей, с которыми нужно ходить на каток, ни мужа, который бы это делал!.. И даже ее отец никогда не ходил с ней на каток, когда она сама была ребенком.

– Знаешь, мне странно слышать такие речи от работника министерства! – неожиданно завелся Колдунов. – Неужели ты думаешь, что на ту зарплату, которую вы мне положили, я могу содержать жену и четверых детей?

– Ну, у тебя же не только зарплата, правда? – усмехнулась она.

– Левые бабки, ты хочешь сказать? А ты знаешь, что из-за них я стал человеконенавистником? Раньше я был озабочен судьбой доверившегося мне человека, а сейчас думаю только об одном – заплатит он мне или не заплатит!

Он без разрешения выхватил сигарету из Вероникиной пачки, при этом его синие глаза, причинившие столько страданий женскому медперсоналу Северной столицы, ярко сверкнули. Вероника невольно подумала, что и в свои сорок три года Колдунов по-мужски очень привлекателен.

– Да я сам себе из-за этого противен! – воскликнул он, глубоко затянувшись, помолчал и продолжал уже более спокойным тоном: – К нам недавно бабка поступила. Девяносто лет, с ущемленной грыжей. Опирирую под местной анестезией, она лежит, довольная, и рассказывает, что она участник войны, блокадница и тому подобное. А я, вместо того чтобы восхищаться ее героическим прошлым, думаю: раз блокадница, денег точно не будет! Ты же знаешь, как у нас тут позаботились о стариках. Дедки и бабульки завалили мэрию жалобами на врачей, которые заставляют их покупать дорогие лекарства. Тогда, вместо того чтобы выделить дополнительные средства, нам спустили приказ: обеспечивать лечение блокадников за счет медучреждений! И теперь получается, что препараты для них мы покупаем из премиального фонда отделения. Блокадника вылечил – премии лишился. Правда, есть еще вариант: лечить стариков тем, что родина дает, а о других лекарствах и не заикаться.

– Это беспроектный вариант, – грустно усмехнулась Вероника. – Если больной помрет, то жалобу будет писать некому, а если поправится, то незачем, ведь он на свое лечение ни копейки не потратил. – Она помолчала. – Конеч-

но, я знаю, что сейчас происходит. Врачам платят мало, но ведь государство уже давно не скрывает, что результаты лечения его нисколько не волнуют. Вот и выросло целое поколение врачей-пофигистов, которые бесплатно даже пальцем не хотят пошевелить. А между тем недовольство людей, привыкших лечиться бесплатно, растет, и с этим надо что-то делать. Врачей нужно как-то стимулировать, но платить им нормальную зарплату не хочется. Что остается? Страх. Значит, будут использовать этот рычаг.

– Вот интересно! – фыркнул Колдунов. – Чем же это нас можно напугать? Тюрьмой? Трибуналом?

– Напрасно ты смеешься.

Ян посмотрел на Веронику, потом в свою тарелку, погасил недокуренную сигарету, быстро доел остывшие макароны и поставил тарелку в раковину.

Помолчали. Вероника понимала, что Колдунов очень устал, но понимала она и то, что он не сможет жить без хирургии. Уговаривать его вновь полюбить свою работу было глупо, поэтому она просто обещала ему подумать. «А пока я буду думать, он сам сто раз передумает», – решила она, но честно записала его просьбу в ежедневнике.

Гости давно ушли, а Вероника все не находила себе места. Миллер сидел за работой и никак не реагировал на ее нервные хождения из угла в угол. Он вообще терпеть не мог, когда его отвлекают, и обычно Вероника время от времени

молча подсовывала ему чашку кофе, но сегодня ей это не очень удавалось. Она чувствовала, что не вполне владеет собой и что ей не под силу самостоятельно успокоить разгулявшиеся нервы. Миллер ненавидел истерики в любом виде, и Вероника понимала, что скандал не пойдет на пользу их отношениям, но в то же время не понимала, что ей делать, если она раздражена, расстроена и нуждается в помощи близкого человека?!

Мысленно перекрестившись, она села на диван рядом с Миллером, взяла его за руку и сказала:

– Дима, нам надо поговорить.

– А? – Ему потребовалось некоторое время, чтобы вернуться в реальность. – Ты же видишь, я работаю.

– Я прошу тебя отвлечься.

– Ладно, – сказал Миллер, поворачиваясь к ней. – О чем тебе надо поговорить?

– Дима, давай подумаем... – робко произнесла Вероника. – Может быть, нам стоит взять приемного ребенка, раз уж свои не получаются?

Он уставился на нее с профессиональным любопытством:

– Ты сошла с ума?

– Почему?

– Потому что это бред. И ты, надеюсь, сама понимаешь это.

– Нет, не бред! Я хочу, чтобы у нас была нормальная семья! Сколько можно сидеть на горячей сковородке? То ли

ты мне муж, то ли нет... Я устала от этой неопределенности. Если мы любим друг друга и хотим быть вместе, то давай уже узаконим наши отношения, как это делают все нормальные люди.

Миллер снова повернулся к компьютеру, неторопливо сохранил свой текст, выключил компьютер по всем правилам и только потом посмотрел ей в глаза.

– Я не понял, ты хочешь взять приемного ребенка или выйти за меня замуж?

– И то и другое. Я уже не юная девушка и не собираюсь лечиться от бесплодия только затем, чтобы родить дауна. А приемных детей можно любить точно так же, как и родных. Ты на Яна с Катей посмотри!

– Но у них и свои собственные дети есть. Вероника, ты же умная женщина, – Миллер укоризненно покачал головой, – не вынуждай меня говорить тебе неприятную правду. Давай просто закончим этот разговор. И забудем о нем.

– Ты всегда так говоришь! – взвилась она. – Ты намерен вести безмятежную жизнь без ссор и упреков, а в результате я постоянно зализываю раны, причем совершенно одна! Ты же не интересуешься, о чем я думаю...

– Начинается! – с досадой прервал он. – Ну слушай, раз уж ты сама этого хочешь! Мы живем в разных городах, и нас слишком многое держит на своих местах.

– Но я могу найти тебе хорошую работу в Москве! Более престижную, лучше оплачиваемую...

Миллер издевательски ухмыльнулся и опять не дал ей договорить:

– Нет уж, спасибо. Я стараюсь дважды не наступать на одни и те же грабли. Помнится, когда-то я был обязан тебе...

– Дима, сколько можно это вспоминать! Прости меня, если я тогда сделала тебе больно! Но я просто не могла поверить, что ты способен полюбить меня... И сама полюбить тоже боялась. Я думала, что отношения, в которых расставлены все точки над *i*, будут проще для нас обоих. Да, сейчас я понимаю, что это было глупо. Ты действительно нуждался в любви...

– Какой смысл сейчас говорить о том, что было? – Он провел руками по лицу, словно пытаюсь стереть с него усталость. – Мы не вернемся в те времена. Никто не виноват, что мы не смогли стать друг для друга самыми близкими людьми. К тому же – извини, что напоминаю, – ты была замужем. Разводиться ты бы не стала, а я гораздо лучше чувствовал себя в амплуа человека, развлекающего чужую жену, чем человека, с нетерпением ожидающего смерти старого мужа своей любовницы.

– Дима, прости... – Вероника опять взяла его за руку, но он тут же убрал свою руку и, поморщившись, сказал:

– Я ни в чем тебя не обвиняю.

– Хочешь, я перееду в Питер?

– Я не стою таких жертв, – усмехнулся он. – Да и вообще: к чему все эти разговоры? Ты успешная женщина, у тебя

деньги, карьера, свобода, а ты завидуешь Кате Колдуновой! Но Катина жизнь вовсе не сахар. Она крутится как белка в колесе, обслуживая мужа и детей, и ничего не представляет собой вне семьи. Ты тоже этого хочешь?

– А хочу! – сказала Вероника с вызовом.

– Что ж, человек всегда хочет того, чего у него нет... Но тебе следует понять: мы с тобой любим друг друга, просто мы не Колдуновы, мы другие, и любовь у нас другая. Если я не хожу с тобой по магазинам и не обнимаю на людях, это не значит, что я отношусь к тебе плохо. А дети... Ты столько лет прекрасно обходилась без них. Что касается меня... Да, своего ребенка я мог бы полюбить, но приемного... И не забывай: Колдуновы взяли девочек не с улицы, Лена и Оля достались им по воле обстоятельств. А нам где искать хороших здоровых детей? Или ты готова воспитывать отпрысков наркоманов, зараженных СПИДом и всеми формами гепатита? А даже если ребенок вдруг и окажется здоров, против генетики не попрешь, и, очень может быть, у нас вырастет вор и убийца.

– Ну да. Особенно если мы будем думать о нем как о потенциальном воре и убийце!

– Не заводись. Если ты очень хочешь, давай попробуем завести своего ребенка. Хотя я и не понимаю, зачем он тебе. Одно дело – когда молодая пара женится, и у них рождаются дети. Это нормально, поскольку молодые полны энергии, они социально активны, да еще имеется хоть одна дее-

способная бабка, которая помогает поднимать ребенка. Дитя растет как бы между делом, родители продолжают учебу или работу, не пренебрегают светской жизнью, и все получается органично. А мы? Подумай, чего тебе придется лишиться ради ребенка! Придется уйти с работы, и навсегда, потому что ты выпадешь из обоймы. Сидеть с малышом, кроме тебя, будет некому, и заниматься с ним, когда он подрастет, водить в школу и разные кружки тоже придется тебе самой. Зачем тебе это надо? Чтобы в старости было кому за тобой поухаживать? Брось ты эти мысли! Ты состоятельная женщина и как-нибудь разберешься со своей старостью. Да и вообще, признайся, что если бы не визит Колдуновых, ты бы о детях и не помышляла.

Вероника вздохнула и отправилась курить на кухню. Миллер говорил правильно и логично. И не разозлился, что она отвлекла его от работы, напротив, даже признался в любви. Но почему же ей так горько?

Глава 2

Наступала весна, солнце начинало пригревать по-настоящему, но и долгожданное тепло не радовало Веронику. В ее жизни намечались перемены, причем вовсе не такие, каких бы она сама пожелала.

На днях ее вызвал начальник управления и, пряча торжествующую ухмылку, объявил, что Смысловской нужно профессионально расти и настала пора для ее самостоятельной работы. «Вы прекрасно зарекомендовали себя как компетентный и добросовестный сотрудник, – сказал он, – поэтому мы предлагаем вам должность главного врача больницы, которая очень нуждается в грамотном руководителе. А вы, как я слышал, давно подумываете о том, чтобы вернуться в Питер...»

Да уж, больничка была так себе!.. Вероника еще со студенческих лет знала это заведение на окраине города. Там не было ни аппаратуры, ни клинических баз кафедр, ни блестящих специалистов. Бог весть как сумевшая выжить в лихие перестроечные времена, нынче больничка пробавлялась экстренной хирургией на самом незатейливом уровне.

Это, безусловно, было изгнанием. «За что? – горько думала Вероника, возвращаясь из супермаркета. В пакете среди продуктов лежала бутылка красного вина, которую она собиралась выпить за ужином. – Я работала хорошо, не задержи-

валась с бумагами, всегда готова была ехать в командировку. Я не допускала грубых ошибок, это знают все. Другое дело, что я не ввязывалась в сомнительные аферы. Может быть, в этом и причина? Впрочем, глупо изображать из себя человека с активной гражданской позицией, я никогда не была борцом за справедливость и вполне спокойно взирала на всякие темные делишки, которые творились вокруг. Главное – моя собственная совесть была чиста. Но вот вопрос: была бы я столь же щепетильна, не имея наследства Смысловского? Кто знает, если бы не квартира на Васильевском, дача в Васкелове, коллекция картин и украшений, возможно, и я не осталась бы в стороне от денежных потоков. А так, конечно, руководству нечем меня заинтересовать... И запугать тоже нечем. Выходит, ни пряник, ни кнут не работают. Зачем нужен такой неуправляемый сотрудник? А может, все гораздо проще: место понадобилось более ценному человеку, чем вдова умершего сто лет назад отца-основателя советской хирургии».

Вероника попыталась перепрыгнуть через лужу, но не рассчитала сил и промочила ноги. Она не боялась простудиться, но было обидно, что тело стареет и уже не в состоянии справиться с такой ерундой.

А еще ее очень расстроил Миллер, и теперь Вероника жалела, что не оставила новость о своем переезде до личной встречи – ведь по телефону трудно обсуждать важные вещи. Похоже, ее любовник не поверил, что назначение пришло

сверху, а решил, что она все специально подстроила для того, чтобы подтолкнуть его к женитьбе. И наверное, сейчас его блестящий ум занят изобретением достойных отговорок, чтобы не жениться.

О том, что она сама думает по поводу нового назначения, он даже не спросил...

«Почему мне всю жизнь приходится все решать самой? – мрачно думала Вероника. – С детства мне было не с кем поговорить! И теперь не с кем обсудить предстоящие перемены. Конечно, Смысловский обеспечил меня, и даже если сейчас я пошлю работу куда подальше, бедствовать мне не придется. Правда, я загнусь от тоски. С тех пор как он умер, одиночество было моей единственной проблемой, но теперь, когда вся жизнь пошла наперекосяк, я так остро чувствую его...»

Ручка от пакета с продуктами больно впивалась в запястье, пока Вероника открывала дверь подъезда. А если бы она вышла за Миллера, то он носил бы сумки из магазинов вместо нее. «Господи, неужели есть на свете счастливые женщины, которые делают покупки вместе со своими мужчинами, а потом кормят их ужином? И так каждый день? А потом вместе ложатся спать?

И неужели настанет день, когда мы с Миллером будем вместе?»

Дома Вероника аккуратно разложила продукты, переоде-

лась в домашнее и хищно оглядела квартиру. Чем бы занять себя, чтобы отсрочить неприятный звонок? Но уборку она сделала утром, ужин был практически готов, поэтому пришлось, подбодрив себя стаканом вина, набирать питерский номер. Трубку долго не снимали, но Вероника знала, что это в порядке вещей: каждый член семьи ждет, что это сделает кто-нибудь другой.

– Алло! – наконец раздался Надин голос, и Вероника усмехнулась.

Как не похоже было это раздраженное «алло» хозяйки дома на прежнее загадочно-романтическое «аллоу» засидевшейся в девках Нади, каждый раз хватавшей трубку в надежде, что звонит мужчина, готовый сделать ей предложение. Если это оказывался кто-то другой, например, подруга Вероники, тон сестры резко менялся.

– Здравствуй, Надя. Это я.

– А!

– Я хочу сообщить тебе, что переезжаю в Питер, – осторожно сказала Вероника.

– Да? И что же?

«Хоть бы спросила, почему переезжаю!»

– Я заранее тебя предупреждаю, чтобы ты могла спокойно собрать вещи.

Эту фразу Вероника придумывала целую неделю и еще неделю примеривалась, каким тоном произнесет ее. Но, несмотря на все репетиции, премьера прошла жалко.

– Не понимаю тебя, – ледяным тоном произнесла Надя.

– Я говорю по-русски. Я переезжаю в свой родной город и хочу жить в своей квартире. Тебе нужно освободить ее.

– Что?! Ты хочешь сказать, что я должна с мужем и ребенком переехать к отцу? Жить вчетвером в двухкомнатной квартире, а ты будешь одна в шикарной трешке? Вероника, разве это справедливо?

– Нет, но... – Вероника растерялась, как всегда терялась при разговоре с сестрой.

– Ты же одна! Ты вполне можешь жить с папой. У вас у каждого будет по комнате, да и ему уже трудно жить одному.

От такой наглости Вероника остолбенела, но тут же почувствовала, как ее начинают мучить угрызения совести.

«Может быть, Надя права? А я эгоистичное чудовище, которому нормальные человеческие отношения кажутся наглостью? Просто я этого не понимаю из-за своей холодной и циничной натуры».

– Но ты ведь тоже можешь о нем заботиться.

– У меня, к твоему сведению, семья, так что мне есть о ком заботиться. А ты сама по себе, всю жизнь была такая. Как мы разместимся в отцовской двушке, по-твоему? У меня муж доцент и сын школьник, им нужно заниматься. Но тебя это не волнует, только о себе и думаешь!

– Но это же моя квартира. Лично моя.

В трубке ядовито рассмеялись.

– Да, но каким путем она тебе досталась! Ты продавалась

за нее похотливому старикашке! И можешь не говорить мне про ваш законный брак, по сути это была проституция.

Швырнув трубку на аппарат, Вероника трясущимися руками схватила сигарету и принялась щелкать зажигалкой. Энергично выпустив дым, она обрела дар речи.

– Нет, блин, я думаю только о себе! Интересно, а о ком я должна думать? Только о тебе, что ли? А если квартира проститутская, что ты-то в ней делаешь? – громко сказала она в пространство.

На самом деле все было не так просто. Унаследовав по смерти мужа огромную трехкомнатную квартиру на Васильевском острове, Вероника чувствовала себя неуютно. Ей казалось неправильным, что она одна живет в такой роскоши, а сестра с мужем и маленьким ребенком вынуждена ютиться в обычной двушке вместе с папой. Надя активно поддерживала в ней это убеждение и предлагала разменять хоромы на Васильевском на две квартиры попроще: одну для Вероники, другую для Нади с семьей. Вероника была на волосок от того, чтобы согласиться на этот план, но ее отговорил Колдунов.

«Я знаю, ты думаешь, что жизнь кончена, – сказал он тогда, – но ты ошибаешься. Ты красивая молодая баба, выйдешь замуж, пойдут дети, и тогда эта квартира тебе очень пригодится. Разве ты виновата, что твоя сестра вышла за человека без жилплощади? Да, ей не повезло, но разве это дает

ей право претендовать на твое личное имущество? Ты ничего никому не должна».

Вероника горько усмехнулась и налила себе еще вина. Колдунов был прав во многом, но вот утверждая, что она вскоре обретет личное счастье, он фатально ошибся.

Ей удалось выдержать натиск семейства и не согласиться на размен. Удалось даже никого к себе не прописать, хотя Надя навязчиво предлагала кандидатуру то отца, то своего ребенка. Но поселить у себя семью сестры Веронике все-таки пришлось.

Жизнь с Надей оказалась не сахарной. Заняв две комнаты из трех, сестра сразу навела свои порядки. Выяснилось, что Вероника не умеет убирать, готовить и вообще ничего не понимает в домашнем хозяйстве. Стоило ей подмести или смахнуть крошки со стола, как Надя демонстративно хваталась за швабру и все переделывала.

В то время у Вероники не было личной жизни, и проблема «привести в дом мужчину» ее не беспокоила. Но любое ее позднее возвращение домой сопровождалось поджатыми Надиными губами и не слишком тонкими намеками на Вероникин моральный облик.

Слава богу, это продолжалось недолго. Вероника получила назначение в Москву, быстро купила там квартиру, продав несколько картин из коллекции Смысловского, и зажила с чувством человека, неожиданно выпущенного из тюрьмы по амнистии.

«Почти восемь лет Надя пользовалась моей квартирой. За это время можно было подкопить и обменять отцовскую квартиру на трехкомнатную, или как-то иначе решить проблему собственного жилья... Да, но что же теперь делать мне?»

Вероника понимала, что если они с Миллером поселятся вместе с сестрой, та устроит им веселую жизнь...

Следующие несколько дней она разбирала на работе бумаги, готовясь к передаче дел, а вечерами выдерживала атаки семейства. Отец и тетки названивали ей, чтобы лишний раз напомнить, как старшая сестра вырастила Веронику, заменив ей мать. «И вот какова твоя благодарность!» Все упреки были настолько похожими, что ей казалось, будто Надя написала тезисы телефонных переговоров и раздала их родственникам.

Сама Надя не объявлялась, и однажды Вероника позвонила ей, чтобы разведать обстановку.

– У тебя уже было время одуматься и понять, насколько эгоистично и безобразно твое поведение! – С этими словами Надя повесила трубку.

Вероника не успела толком рассвирепеть, как позвонила тетя Марина:

– Дорогая, ты решила с квартирой?

– А что я должна решить? – огрызнулась Вероника. – Разве есть что-то предосудительное в том, что я, возвращаясь

в Петербург, хочу поселиться в собственном доме? Ведь это мой дом, тетя Марина!

– Формально ты права. А если вспомнить о том, как Надя, тринадцатилетний подросток, заменила тебе мать?

– Я не могу это вспомнить, мне тогда было два года.

– Перестань, Вероника, тебе не идет говорить глупости! Подумай лучше о том, что пережила Надя, когда ее мать умерла, а отец женился вторично. Это была тяжелейшая психическая травма для девочки. А тут еще ты родилась.

– Но я не могу отвечать за поступки своих родителей!.. – Вероника бегала с телефонной трубкой по квартире и нервно перетряхивала сумочки и карманы в поисках сигарет. Пару недель назад она решила бросить курить, но, кажется, выбрала для этого неподходящее время! Наконец в летней сумке нашлось целых полпачки. «Черт с ним, со здоровьем!» – решила она, глубоко затагиваясь.

– ...И когда твоя благословенная мамаша, которая, кстати сказать, ужасно относилась к Надюше, скончалась, от девочки потребовалось немало мужества и душевных сил, чтобы фактически стать хозяйкой дома. Ты не знаешь, каково это – в тринадцать лет стать матерью семейства! Убирать, готовить, стирать твои пеленки, ходить в магазин... А ведь еще учеба, поступление в вуз. Ты, выросшая на всем готовом, просто не можешь представить, какую гигантскую жертву принесла тебе Надя.

– Я все оценила. Но нужно отличать жертву от вложе-

ния капитала. Первое понятие предполагает бескорыстие, душевный подвиг, и человек находит отраду в самом деянии, а не в возмещении его земными благами. – Недавно Вероника увидела по телевизору кусочек православной передачи, и сейчас цитировала речь священника близко к тексту.

В трубке многозначительно помолчали. Вероника явно представила себе прищуренные глаза и поджатые губы тети Марины.

– Как только у тебя хватает совести читать мне проповеди! Господи, сколько мы натерпелись с тобой! Твои вечные болезни в детстве, ненормальное, патологическое поведение, это кошмарное замужество в девятнадцать лет! Теперь ты взрослая женщина, Вероника, прошу тебя, оцени свои юношеские поступки и признай, что ребенком ты была ужасным. А расхлебывать все приходилось Надюше. Не всякая мать станет терпеть от родной дочери то, что приходилось ей выносить от единокровной сестры.

Вероника уже давно привыкла, что семейство считает ее «патологической личностью». Подростком в ответ на подобные речи она готова была кричать, доказывать, что хочет только одного – жить с близкими в мире и любви. Но если она пыталась спорить, сестра с отцом находили множество аргументов, подтверждающих, что Вероника – эгоистичное чудовище. Повзрослев, она научилась пропускать нравоучения мимо ушей, а потом все это перестало иметь для нее значение.

Но сейчас она вдруг снова обиделась.

– Тетя Марина, если бы не мое кошмарное замужество, нам нечего было бы обсуждать. Вы все были против моего брака, так с какой же радости теперь претендуете на его плоды? Вы убеждены в том, что я эгоистичная и жадная, но при этом считаете, что я должна подарить квартиру сестре. Вы не видите здесь противоречия?

– Что?

– А то, что вы хотите, чтобы я была плохая, а вела себя, как хорошая! – заорала Вероника.

На другом конце провода раздалось странное посвистывание и хрюканье. Наверное, таким образом тетя Марина пыталась изобразить бурное и праведное негодование.

Выдержав паузу, родственница произнесла:

– Вероника, твоя сестра – прекрасная женщина, добрая, порядочная и самоотверженная! А ты просто неблагодарная дрянь!

– Вот и отлично!

Смысловская повесила трубку.

«Нет уж, пусть эта добродетельная женщина выкатывается из моей квартиры! К тому же я весьма невысокого мнения о сестре и не могу считать ее такой распрекрасной. Или я просто не в состоянии оценить ее замечательных качеств? Ладно, пусть я ошибаюсь... Но как бы я действовала, если бы моей сестрой была, например, Катя Колдунова? Катя не стала бы, конечно, ничего требовать и взывать к справедливости».

вости, но она могла бы попросить... И что бы я ей ответила? Уступила бы или придумала достойную отговорку?..»

Тут телефон зазвонил снова. Наверное, тетя Марина доложила в главный штаб о результатах своей атаки, и решено было бросить в бой тяжелую артиллерию.

– Вероника, вот уж не думал, что доживу до дня, когда одна моя дочь будет выгонять другую на улицу!

– Папа, не передергивай, – мирно сказала она. – У вас есть квартира.

– Да, но для четверых она тесна. А мы с тобой вполне уживемся.

– Но я не собираюсь жить одна. Я хочу выйти замуж и зажить своим домом. Вполне естественное желание. Почему я должна отказываться от этого ради Нади?

– Ты собираешься за того красавца, с которым ходила к Семену Петровичу на юбилей?

Миллер оставался для Вероникиной родни фигурой туманной. Он еще не сделал официального предложения, и Вероника считала, что навязчивое вовлечение в орбиту семьи могло бы напугать его. К тому же она сильно сомневалась, что общение с ее родственниками доставит ему удовольствие.

Все же однажды она решилась показать его родне, но тогда это никого ни к чему не обязывало.

Дальний родственник, успешный бизнесмен, праздновал свой юбилей в дорогом ресторане. Приглашая Веронику, он

сказал: «Приходи с хахалем», – вот она и пришла. В суматохе поздравлений она не стала по всей форме представлять Миллера родне, к тому же они пробыли в ресторане недолго. Вероника решила, что отец не успел толком разглядеть ее спутника, но следующие его слова показали, что это не так.

– Он слишком молод и красив для тебя, – веско произнес отец. – Этот брак не принесет тебе счастья, да и продлится он скорее всего недолго. Так что лучше не начинай.

– Это еще почему?

– Потому что ты влюблена в пустоголового красавчика, как кошка, а он просто пользуется твоими чувствами. Скорее всего, он и встречается-то с тобой ради квартиры. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше.

– Папа!..

– Не возражай. Мне горько сознавать, что моя дочь готова предать свою семью ради охотника за приданым!

Вероника, всегда остро реагировавшая на ложный пафос, даже поморщилась, будто услышала звук вилки, скребущей по тарелке.

– Приданое – это то, что достается девушке от родителей. А квартира – это лично мое имущество, которым я могу распоряжаться сама. О Миллере я вообще не буду с тобой говорить. Глупо убеждать тебя в том, что он порядочный человек, главное, что я сама это знаю.

– Но если он такой порядочный, как он посмотрит на твое поведение? – переменял тактику отец. – Подумай хо-

рошенько, Вероника. Понравится ли ему, что ты выжила из квартиры родную сестру ради того, чтобы наслаждаться собственным счастьем? Ты ведь не собиралась рассказывать ему об этом нюансе, правда? Меня бы, например, такое поведение невесты заставило задуматься. Если женщина ради собственного комфорта готова перешагнуть через сестру, не значит ли это, что она может предать и собственного мужа?

– История повторяется, – хмыкнула Вероника. – Вспомни, как вы из кожи вон лезли, чтобы расстроить мой брак со Смысловским. Как вы ходили к нему и рассказывали обо мне гадости...

– Вероника, как ты можешь?! Никуда мы не ходили...

Но ему не удалось остановить ее.

– Я понимаю, Надьке была невыносима мысль, что я выхожу замуж раньше ее. Ты хотел, чтобы я вообще не выходила замуж, а оставалась при тебе до конца жизни. Это объяснимо. Но я не понимаю другого: ведь вы просили Смысловского не рассказывать мне о своих визитах и надеялись, что он исполнит вашу просьбу! Почему вы решили, что злобствующие родственники будут ему милее, чем молодая невеста?

– Мы заботились только о тебе! – высокомерно произнес отец. – Мы знали, что это замужество не принесет тебе счастья, и пытались спасти тебя. Но что нам было делать, если ты не хотела нас слушать? Признай, мы были правы, этот брак ничего не дал тебе, кроме страданий.

– И квартиры, на которую вы сейчас претендуете.

– Не на квартиру мы претендуем, нет! Мы семья, Вероника, и хотим, чтобы ты наконец это поняла. А в семье люди заботятся друг о друге, делятся друг с другом. Надя отдала тебе свою юность и молодость, разве она не заслужила благодарности? Хотя бы временно поживи у меня, пока не прояснится ситуация с твоим красавцем. Ведь иначе нам придется сидеть друг у друга на головах. А потом, если ты все-таки выйдешь замуж, разменяете ту квартиру...

– Почему друг у друга на головах? В одной комнате Надя с мужем, в другой ты с мальчиком. Многие так живут.

– Неужели ты не понимаешь, что у меня должна быть своя комната! – отрезал отец, после чего раздались короткие гудки.

Вероника пожала плечами и положила трубку на место.

Потом она долго пыталась растравить себя, вспоминая особо обидные Надины поступки и слова, но в голову настойчиво лезла мысль: а вдруг отец прав? И все ее обиды – не более чем способ оградить себя от естественной необходимости делиться с близкими тем, что у нее есть?

Ответа на этот вопрос не было.

Глава 3

Вероника Смысловская дорабатывала в министерстве последние дни. Она уже сдавала дела своему преемнику, и ей приходилось задерживаться на службе. Выйдя поздним вечером из метро на своей станции, она решила не ехать на маршрутке, а прогуляться пешком.

Вероника шла не торопясь, разглядывая ярко освещенные витрины, потом заглянула в «Иль де Ботэ» и долго нюхала там разные духи.

«Мне не к кому идти, – грустно думала она, – никто не ждет, чтобы я приготовила ужин или принесла что-то вкусненькое... Раньше я сочувствовала женщинам, которые сломя голову несутся забирать ребенка из садика, и не думала, что наступит время, когда я буду завидовать им!»

Она наблюдала, как множество людей спешат мимо нее, торопятся домой, несут покупки... Наблюдала, как на скамейках бульвара целуются подростки, как женщины встречаются с мужчинами и, сверкая глазами, садятся в их автомобили...

«А я? Меня словно бы нет. И кто будет горевать, если меня действительно не станет? Миллер? Он быстро утешится. Надя? Радость от наследства пересилит боль утраты...»

– Я не помешаю? – Услышав звук открываемой двери,

Миллер вышел встретить ее в коридор.

– Я так рада, что ты приехал! – искренне сказала Вероника, обнимая его.

– Сегодня была нейрохирургическая секция на ежегодном конгрессе онкологов. Ночь я провел в поезде, потом сразу на заседание, потом к тебе. Ночным поездом уеду.

«Мог бы и не рассказывать про конгресс! – подумалось Веронике. – Сказал бы, что соскучился... Но нет, он же приехал сюда не для того, чтобы повидаться со мной, он просто хотел освежиться с дороги и поесть нормально. Я пришла почти на три часа позже, чем обычно, а он даже не позволил, не поинтересовался, где я болтаюсь, не попросил быстрее вернуться домой! Наоборот: он, кажется, был рад, что меня нет и никто не мешает ему отдыхать».

Эти размышления расстроили ее, и она весьма прохладно ответила на интимные поползновения Миллера.

– Слушай, – сказала она, когда все закончилось и они устроились на кухне пить чай, – возможно, мне придется пожить у тебя.

– Не понял?

– Сестра не хочет уезжать из моей квартиры. И я думаю: вдруг она права? Наверное, будет справедливо, если я...

– Что? Подаришь ей квартиру? С какой стати?

– Дима, ну ты же сам мне рассказывал, что заменил родителей своей младшей сестре. Разве ты не считал бы справедливым, чтобы она отблагодарила тебя?.. В общем, чем боль-

ше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что я должна оставить Надю у себя.

Миллер повертел пальцем у виска и тяжело вздохнул.

– Ты уверена, что сама этого хочешь? – спросил он после долгой паузы.

– В каком смысле?

– Я имею в виду: тебе на самом деле хочется отдать квартиру Наде?

– Нет, но... – Она замолчала: слишком многое нужно было объяснять.

Миллер провел рукой по лицу и уставился в пол.

– Это непростой вопрос, Вероника. Я могу ответить за себя, если мой опыт тебе интересен. – Она кивнула. – Да, мне было тяжело воспитывать сестру и заботиться о больной матери. В качестве утренней зарядки я мыл полы в булочной, потом бежал в институт, а потом на станцию «Скорой помощи». Я варил обеды, стирал и сторожил мать во время припадков. Иногда я готов был возненавидеть и ее, и даже сестру. Мне хотелось плюнуть на все и купить себе новые штаны взамен школьной формы для сестры. Не буду врать, я считал, что приношу огромную жертву и за это достоин награды. Но от жизни, а не от сестры. Я возился с ней не для того, чтобы она в будущем отблагодарила меня, я просто хотел, чтобы она выросла нормальным человеком. Сейчас, после того как ее муж ушел из армии и начал торговать крабами, она стала вполне состоятельной женщиной, и я, конечно, рад за

нее. Но я не буду просить у нее денег, хотя бы и для покупки квартиры. Мне такое даже в голову никогда не приходило.

Вероника закурила и рассказала Миллеру обо всем, что последовало за ее первым звонком Наде. В том числе и об обещании отца открыть Миллеру ее истинное лицо.

– Я понял, – усмехнулся он. – Дай-ка сюда телефон.

– Дима, что ты задумал?

– Номер подскажи... Выступлю в роли твоего представителя.

– Нет, прошу тебя, не надо! Давай поживем немного у тебя, а потом продадим эту московскую квартиру и твою комнату и приобретем себе новое жилье. На эти деньги мы сможем прекрасную квартиру купить, или даже загородный дом. У меня ведь еще дача есть, и коллекция картин... А у Нади совсем ничего. Разве это справедливо?

– Оставь, пожалуйста, свои коммунистические замашки. Номер давай.

Веронике вдруг стало весело, и она продиктовала номер.

Когда трубку сняли, Миллер вежливо поздоровался, попросил Надежду Васильевну и назвал себя представителем Вероники. Судя по всему, Надя сразу дала ему достойный отпор – тон Миллера резко изменился.

– ...Хотите вы или не хотите, вам придется со мной разговаривать! Нет, это не семейное дело, все гораздо проще. Вы, мадам, незаконно занимаете чужую жилплощадь, и я хочу вас проинформировать, что если Вероника Васильевна

по приезде увидит вас в своей квартире, то обратится в милицию... Она хочет жить в своем собственном доме, на что имеет как законное, так и нравственное право. У вас было достаточно времени, чтобы собрать вещи и переехать, а долг и совесть тут ни при чем... Ах вот как? В таком случае она вызовет ОМОН! Но жить в этой квартире вы точно не будете.

Не слушая Надиных воплей, он сказал «до свидания», положил трубку и повернулся к Веронике:

– Не волнуйся. Мы с Колдуновым встретим тебя на вокзале, поедem все вместе на Васильевский и выкурим твою сестричку. А то что же получается? Ты вышла замуж по расчету, терпела старого мужа, и ради чего, спрашивается? – Миллер засмеялся.

Вероника молча встала из-за стола и ушла в комнату. В темноте белела разобранная постель. Отодвинув занавеску, Вероника села на широкий подоконник и опять закурила, глядя на московский пейзаж. Светились загадочные огоньки окон, горели огни фонарей внизу, и фары летящих мимо машин чертили во мгле загадочные стрелы.

Вероника снова подумала, что кто-то спешит домой, а многие уже наслаждаются семейным уютом, не думая о том, кто кому сколько должен. Люди дружно пьют на кухне чай, обмениваясь впечатлениями о прожитом дне, смеются или, наоборот, утешают друг друга.

И эта жизнь, столь обыденная и привычная для миллионов, кажется ей несбыточной мечтой!..

Вероника росла гадким утенком, училась средне, и в школе у нее поклонников не было. Ее никогда не звали в гости, не приглашали танцевать на школьных дискотеках, не говорили уже о более существенных знаках внимания. В классе она была главным объектом насмешек. Тогда это очень обижало ее, но теперь, вспоминая школьные годы, она понимала, что характер у нее был не таков, чтобы преуспеть в коллективе. Незвестно, как сложилась бы дальше судьба Вероники, если бы не Эсфирь Давыдовна, сыгравшая в ее жизни роль доброй феи.

Как и многие девочки, Вероника мечтала о любви, но в отличие от них у нее в ту пору не было никаких надежд на романтическую историю. Для успокоения сердца, истерзанного муками полового созревания, Вероника пробавлялась влюбленностью в киноактеров, выдумывая целые эпические поэмы с собой и, например, Олегом Янковским в главных ролях. Она жила в иллюзорном мире, который был гораздо лучше реального, лишь изредка приходя в себя. Дошло до того, что действительность стала представляться ей глупой и бессмысленной, она целыми днями грезил наяву, с неохотой, будто в тумане, выполняя школьные задания и работу по дому, чтобы тут же погрузиться в счастливый мир своих мечтаний.

Только в выпускном классе она познакомилась с Эсфирью Давыдовной, и та заставила очнуться девочку, чуть не

захлебнувшуюся в собственных грезах. Ах, если бы она была жива!..

Благодаря ей Вероника поступала в институт уже совсем другим человеком – и внешне, и внутренне.

Это был счастливый год для нее. Год, пролетевший, как ясный летний день, год, каждая секунда которого была согрета счастьем...

Все было ей внове. И собственное красивое тело, и доброжелательное отношение однокурсников, и новые подруги, с которыми так интересно было бегать по магазинам и кафе... А строить глазки мальчикам, вот уж упоительное занятие!

Практичная Эсфирь Давыдовна устроила ее в одну из клиник Военно-медицинской академии – ходить на дежурства и учиться азам хирургии. «Во-первых, – говорила она, – чем раньше ты начнешь практиковаться, тем лучшим специалистом станешь. Во-вторых, в академии школа в сто раз лучше, чем в вашем мединституте, здесь тебя научат такому, о чем там и не слыхали. И наконец, самое важное: военные – лучшие мужья, и в академии ты имеешь все шансы такого заполучить».

Как же ей там нравилось!.. Как ласково и доброжелательно принимали ее старшие товарищи, видя, что она работает добросовестно и искренне стремится к знаниям!..

Ведущими хирургами в академии были в основном мужчины средних лет, прошедшие либо Афганистан, либо отслужившие на подводных лодках, но никто из них не считал

Веронику глупой и никчемной девицей. Напротив, они называли ее Вероника Золотая ручка и угощали чаем с бутербродами. А она училась у них, как правильно держать скальпель и пинцет, как пользоваться ножницами в глубокой ране, как определить симптомы перитонита, как наложить гипс...

Через месяц Вероника без всякого страха входила в сводчатый вестибюль и поднималась по мраморной лестнице с широкими перилами, чувствуя, что упорным трудом заслужила право находиться в этом святилище хирургии. На этой лестнице она и встретила свою любовь.

Она спускалась, перепрыгивая через ступеньки, поскольку опаздывала на лекцию. Вдруг кто-то обогнал ее и преградил дорогу.

– Девушка... – Парень взялся за перила, и смущенная Вероника уставилась на его руку. Широкая кисть с крупными пальцами и неухоженными ногтями вдруг показалась ей такой родной...

Она долго не могла разглядеть Костино лицо: ее любовь окутывала его словно вуаль, и, думая о нем, Вероника представляла скорее собственный трепет и смущение, чем Костину внешность. Кажется, он не был записным красавцем, но это не имело никакого значения. Позже Костя признался, что точно так же не может разглядеть Веронику, ибо любовь совершенно ослепила его.

В самых смелых мечтах, самых несбыточных грезах Ве-

роника не могла представить себе, что на свете бывает такое счастье. Через неделю они уже не могли понять, как раньше дышали друг без друга, и не было ничего, о чем бы они стеснялись говорить.

Костя учился на два курса старше, был отличником, но одновременно и «флотским сиротой», то есть юношей, приехавшим учиться из деревни и не имеющим влиятельных родственников. Поэтому продолжение службы в Питере, несмотря на научные успехи, вряд ли ему светило. Само собой подразумевалось, что Вероника поедет вместе с ним, и она легко примирилась с мыслью, что не успеет получить диплом врача. «Буду работать медсестрой!» – решила она радостно.

Но Костя не позволил ей запустить учебу. «Ты такая способная, – говорил он, – тебе обязательно нужно доучиться. И ведь совсем необязательно меня распределят в глушь. Может быть, это будет город с мединститутом».

Они так верили, что в жизни будет все – любовь, дети, работа... Обоим казалось, что раз уже произошло чудо и они нашли друг друга, дальше можно ничего не бояться.

Веронике еще не исполнилось восемнадцати, поэтому пожениться они могли только с согласия родителей. Понимая, что появление на горизонте зятя без жилья и питерской прописки не вызовет в семье бурю восторга, Вероника предло-

жила полгода подождать. Костя согласился, но своим друзьям представлял ее как жену. Да и к ней самой часто обращался: «Жена моя любимая».

Их бесконечно тянуло друг к другу. После занятий в институте Вероника, если не было дежурства, ехала к Косте в общежитие. Дежурный по КПП вскакивал и, дурачась, отдавал ей честь, в ответ она приседала в реверансе. В Костиной комнате она делала уборку, гладила его форму и готовила обед чуть ли не на весь этаж – при ее появлении из своих комнат выскакивали голодные курсанты, готовые внести лепту в приготовление супа или котлет. Если Костя задерживался, ребята поили ее чаем с деликатесами, присланными из дома: тягучим прозрачным медом, сушеными абрикосами и украинским салом такой толщины, что страшно было представить себе размер свиньи. Иногда на свет божий извлекалась бутылка с прозрачной, как слеза, жидкостью – Лёне Собко родня присылала из Львова самогон. Ребята напористо угощали Веронику, и она, не чинясь, выпивала глоточек. Курсанты постарше помогали ей готовиться к занятиям, и все без исключения подсовывали нуждавшуюся в починке одежду.

Однажды Костин друг, получивший виртуозно заштопанную хирургическую робу, назвал Веронику матерью-командиршей, и более приятного комплимента ей не случалось слышать ни до ни после.

Как только появлялся Костя, ребята расходились, дели-

катно давая влюбленным возможность пообедать наедине. Сосед по комнате брал свою подушку и отправлялся к друзьям, а Вероника с Костей сидели возле подоконника, служившего обеденным столом, и считали дни до того момента, когда они поженятся, дадут взятку коменданту, и он выделит им отдельную комнатку, пусть самую маленькую. А вдруг – это была уже совсем смелая мечта – удастся получить комнату в общежитии для семейных?

Иногда Вероника оставалась у Кости на ночь, наврав сестре, что дежурит. Но любимый берег ее, поцелуи в губы были самыми откровенными ласками, которые он себе позволял.

Чувствуя волнение его плоти, Вероника переживала, что на следующий день у него будет «все болеть», но Костя отшучивался, что ради нее готов пойти даже на такие страшные жертвы. «Осталось терпеть совсем немного, правда? Я боюсь испугать тебя, малыш, ведь я так тебя люблю... Пожатие твоей руки приносит мне больше счастья, чем принесла бы ночь с самой красивой женщиной, которая только бы и думала, как мне угодить».

А Вероника, вместо того чтобы восхититься подобной стойкостью и силой духа, расстраивалась и считала, что недостаточно привлекательна...

Им было так весело вместе! Так весело, что они даже ссориться не могли дольше пяти минут – сразу начинали хохотать. Если выпадал день, когда им не удавалось повидаться, на следующее утро Костя вставал в шесть часов, чтобы

встретить Веронику по дороге к метро, и она бросалась к нему на грудь, будто не видела целый год.

Она дежурила в академии, Костя, как обычно, пришел навестить ее. В ту ночь Веронику попросили заменить отсутствующую постовую сестру. Она нервничала, поскольку плохо представляла себе суть предстоящей работы, но медсестра с другого поста согласилась снять назначения, расклеить анализы и справиться с прочей канцелярией; от Вероники требовалось только сделать плановые уколы и наблюдать за больными.

Она все равно не была уверена, что справится, но Костя взял дело в свои руки, и работа закипела. Вдвоем они ловко отставили вечерние уколы, померили давление, проверили состояние послеоперационных больных и в первом часу ночи закончили плановые труды.

В сестринской легла спать Вероникина напарница, великодушно разрешив влюбленным «пристроиться в каком-нибудь укромном местечке».

Взявшись за руки, ребята вышли в коридор и переглянулись на пороге, словно отправлялись в долгое и опасное путешествие... Костя повел Веронику мимо палат, потом они повернули в извилистый коридор и оказались в учебной комнате. Большое темное окно, разномастные парты, стены, в незапамятные времена покрашенные в небесно-голубой цвет... А по стенам – стеллажи, уставленные банками с

заспиртованными человеческими органами.

Опытная Вероника сразу распознала печень, червеобразные отростки всевозможных размеров и конфигураций, желудки и участки кишки с разными интересными заболеваниями.

Стало грустно оттого, что хозяева этих органов давно мертвы. Будто они с Костей пришли не в учебную комнату, а на кладбище.

– Пойдем отсюда? – робко попросила она.

– Вряд ли мы найдем другое пристанище. – Костя нежно обнял ее. – Просто не смотри по сторонам.

Он то крепко прижимал ее к себе, то, отстранившись, гладил невесомыми пальцами, стесняясь своей нежности. А потом Вероника сама взяла его руку и положила себе на бедро.

– Продолжай, пожалуйста, – сказала она решительно.

– Ты думаешь, что готова к этому?

– Давно!

Костя растерянно выпустил ее из объятий, и они уселись рядышком на парте. Двое испуганных одиноких детей, ничего больше.

Вероника хотела обидеться, но ее плечо будто само прислонилось к Костиному плечу, а рука нашла его руку и уютно устроилась в ней.

– Я так боюсь сделать тебе больно или испугать тебя... Обещай, что сразу остановишь меня, если это тебе не понравится.

Но любопытство давно пересиливало в Веронике страх потери невинности, она еще до знакомства с Костей желала вкусить запретного плода и завидовала подружкам, уже успевшим изведать новые ощущения.

...Оказалось, что эти самые ощущения, эти судороги тела и яркие вспышки на периферии сознания значат так мало! Соединение их тел было лишь способом слияния душ...

Сидя в анатомическом зале, Вероника рассеяннo вертела в руках макет черепа, не в силах думать о том, где у него какие отверстия, а где какие отростки. Волнуясь и смущаясь, она вспоминала каждую секунду их с Костей ночи, и если бы преподаватель вызвал ее сейчас и спросил об устройстве крыловидно-небной ямки, круглой отличнице Веронике нечего было бы ответить.

На латыни пришлось прийти в себя – Нинель Федоровна Рыбкина могла бы обратиться к изучению своего любимого языка даже человека, находящегося под наркозом. Вероника вяло просклоняла словосочетание, получив первую за время учебы тройку, и принялась мечтать о том, как они с Костей будут жить, когда поженятся.

«Зачем это высшее образование, – размышляла Вероника, – латынь эта... – Мысленно она позволила себе эпитет, несвойственный благородному древнему языку. – Костя – вот что главное в моей жизни. Тем более что я, наверное, скоро залечу, если еще не беременна. Ему нужна верная по-

друга, а не баба, занятая работой не меньше, чем он. Он такой талантливый... Отучусь еще два курса, чтобы иметь право работать медсестрой, и все. А может, и не отучусь, если придется идти в декрет. Тогда санитаркой пойду работать».

С трудом она заставила себя не покинуть класс посреди занятия. В самом деле, какой смысл здесь сидеть, если у нее есть Костя?

Ей хотелось поскорее увидеть любимого, но после занятий нужно было ехать домой, чтобы помыться и переодеться.

В метро было тесно и душно, и бессонная ночь дала о себе знать. Силы оставили Веронику внезапно, будто кто-то выключил рубильник внутри ее организма и обесточил все жизненно важные системы.

На выходе она налегла плечом на тяжелую дверь вестибюля и поняла, что не в силах ее открыть.

Она побилась в дверь, как средневековые рыцари в ворота осаждаемой крепости, – безрезультатно. Другие пассажиры, видя ее мучения, думали, что дверь заперта, и шли через другие выходы, поэтому помощи не предвиделось.

– Девушка! Вы не меня ищете?

– Костя! – Он возник непонятно откуда. – Как ты здесь оказался?

– Пришел тебя встретить, малыш. Так и думал, что ты поедешь домой, а не ко мне.

Вдвоем они легко победили злокозненную дверь. Костя

взял у нее сумку с книгами.

– Я хотела привести себя в порядок... – нерешительно сказала Вероника.

– Давай. Подожду тебя во дворе.

Как тут было сказать ему, что она безумно хочет спать?

Костя повел ее в кафе при еще не переименованной гостинице «Ленинград». Стены заведения были отделаны грубой веревкой, поэтому в народе кафе называлось «канатником». Вероника знала, что среди курсантов академии «канатник» считается очень солидным местом, которое посещают только в торжественных случаях.

– Давай поженимся? – сказал Костя сразу, как только они сели за столик и заказали бутылку вина.

– Давай. До моего дня рождения осталось всего два месяца, и тогда можно идти в загс.

– А потом еще месяц ждать, пока нас распишут! Прошу тебя, поженимся сейчас.

– К чему такая спешка?

– Вероника, ты очень красивая... Мало ли что случится за это время. Вдруг кто-нибудь уведет тебя? Или ты сама поймешь, что достойна большего, чем нищий курсант без особых перспектив.

– Не говори глупостей! – закричала она. – Ты для меня – единственный мужчина. Влюбиться в другого для меня так же нелепо, как полюбить женщину.

Костя хмыкнул, и его рука под столом легла на ее коленку.

– Послушай, – сказал он, – мне все равно придется знакомиться с твоей семьей, так какая разница, сейчас или через два месяца? Вдруг твои не будут так уж сильно против и подпишут согласие на брак?

Толком они не знали, какие формальности требуются от родных малолетней невесты.

– Хорошо, – сдалась Вероника, хотя перспектива предъ-
явить жениха отцу и Наде повергала ее в ужас, – завтра ве-
чером ты официально попросишь моей руки. Только преду-
преждаю: после теплого приема, который тебе окажут мои
родственнички, ты, скорее всего, раздумаешь на мне женить-
ся.

Он засмеялся:

– Я не раздумаю, даже если твоя сестра окажется гигант-
ской коброй из лесов Амазонии, а отец – огнедышащим дра-
коном.

По мере приближения к дому Веронике все глупее ка-
залась затея представления Кости родственникам. Ее тош-
нило, а колени подгибались в прямом, а не в фигуральном
смысле.

Она часто останавливалась и просила любимого вернуть-
ся в общежитие, пока не поздно.

– Я поселюсь у тебя, хочешь? Завтра утром съезжу за ве-
щами, пока все на работе, вот и все.

Костя крутил пальцем у виска:

– Но что ты скажешь коменданту? Как будешь чувствовать себя во время проверки? Зачем эти унижения? Нет уж, ты поселишься у меня только в качестве законной жены.

– Ой, Костя, добром это не кончится, – ныла Вероника, но Костя не собирался отказываться от знакомства с будущими родственниками.

– Надя, папа, у меня для вас новости! – звонко объявила Вероника с порога, усилием воли заставив себя оставаться на месте, а не позорно бежать куда глаза глядят.

– Ну что еще? – Надя выглянула из кухни.

Она была в «домашнем» – фланелевом халате, тусклом то ли от грязи, то ли от старости, и разношенных дырявых тапках на босу ногу. Кое-где сестра была обсыпана мукой, значит, печет пироги. Последнее время она увлеклась домашним хозяйством, постоянно готовила и убирала. Ей важно было считать себя идеальной хозяйкой, чтобы с полным основанием презирать мужчин, не желающих взять в жены такую порядочную, умную и домовитую женщину.

– Я хочу представить своего жениха, – проямлила Вероника. – Познакомься, это Костя.

– Что?! – Надя сделала шаг из кухни в прихожую и попыталась испепелить влюбленных взглядом. Маневр не удался, и тогда сестра вызвала подкрепление: – Папа, иди сюда! Полюбуйся, что творит твоя доченька! Уже не стесняется му-

жиков водить.

– У меня самые честные намерения, – сказал Костя, когда в прихожей появился отец. – Я прошу руки вашей дочери.

– Ты сошла с ума! – завопила Надя. – Нужно хотя бы закончить институт, прежде чем думать о замужестве! Эти скоропалительные браки ни к чему хорошему не приводят.

«Откуда ты знаешь? – хотелось спросить Веронике. – Ты еще не выходила замуж».

– Может быть, познакомимся поближе? – гнул свое Костя. – Не хотелось бы быть навязчивым, но вряд ли в коридоре вы сможете хорошо узнать будущего зятя.

Фыркнув, Надя все же пригласила их на кухню. Чаю она не предложила, поэтому все расселись вокруг пустого стола. Веронике было стыдно, что Костя видит, какая у них неухоженная кухня, со стенами, давным-давно покрашенными в серый цвет, и подтекающим краном. Ей было стыдно и за Надин халат, и за папины «треники»...

Тем временем Костя взял инициативу в свои руки и принялся рассказывать о себе: где родился, учился, служил... Но тут же выяснилось, что Вероникину семью интересует только один пункт его биографии.

– Значит, у вас нет прописки?! – хором вскричали родственники.

Костя только развел руками.

– Вероника, теперь мне понятно, почему он хочет на тебе жениться! Что же, молодой человек, губа не дура, но этот

номер у вас не пройдет! – Для пущей важности Надя даже поднялась со стула.

Костя рассмеялся:

– Вы напрасно меня подозреваете. Я же военный.

– Ну и что?

– Если бы я был просто студентом, тогда да: брак принес бы мне и жилплощадь, и возможность остаться в Питере при распределении...

– Вижу, вы хорошо изучили вопрос.

– ...Но я человек подневольный, куда родина пошлет, туда и поеду. Поверьте, никаких корыстных целей у меня нет.

– Мы не обязаны вам верить.

– Как угодно.

– Слышишь, как он с нами разговаривает? – Покраснев,

Надя возмущенно повернулась к младшей сестре.

– По-моему, вежливо.

– Да он издевается над нами! Сидит тут с улыбочкой, будто хозяин, и хамит! Вероника, как ты могла так опуститься? Хочешь выйти за плебея, человека черт знает откуда!

Костя подвинулся к Веронике и обнял ее за плечи. Кажется, он начинал понимать, что знакомство с родней было не лучшей его идеей.

– Вы не совсем корректны, – мягко сказал он Наде.

– И вы еще смаете делать мне замечания! – Глаза Нади торжествующе блеснули: жених наконец допустил оплошность, и теперь можно скандалить уже не просто так, а «по

делу». – Вы, понятия не имеющий о хорошем воспитании! Вероника, если тебе так уж приспичило выйти замуж, могла бы найти хотя бы интеллигентного юношу, а не это... Мало того что деревенский, так еще и военный! Человек не нашего круга!

– Да уж, Вероника, – вздохнул отец. Все это время он сидел тихо, ожидая, пока Надя окончательно выскажет свою позицию и можно будет ее поддержать. – Ты совершаешь огромную ошибку. У него же на лице написан корыстный интерес.

– Перестаньте обсуждать меня, будто обезьяну в зоопарке! – Костя повысил голос. – С какой стати вы решили, что я хочу жениться из корыстных соображений?

– А из-за чего же еще? На что вы могли польститься, кроме жилплощади и прописки?

– У Вероники миллион достоинств, она красивая и хорошая девушка...

– Вероника красивая? – оборвала его Надя. – Не смешите меня, вы просто плохо ее знаете.

– Не надо... – робко попросила Вероника, которая уже догадывалась, что сейчас последует.

– Надо, дорогая моя!

Решительным шагом Надя вышла из кухни, чтобы тут же вернуться с фотоальбомом.

– Вот, полюбуйте!

– Детские фото! – обрадовался Костя. – Очень интересно.

– Полюбуйтесь на свою красивую невесту!

– Охотно.

– Пожалуйста, не надо, – повторила Вероника.

– А ты не лезь. Молодой человек должен знать, кого он берет в жены!

«Вот и все, – обреченно подумала Вероника, – сейчас он встанет и уйдет...»

– Если вы думаете, что женитесь на сокровище, вынуждена вас разочаровать! Этот брак не принесет вам того, чего вы жаждете. Прописать я вас не пропишу, жить тут вы тоже не будете, в результате вместо вожделенной площади вы получите ленивую девицу с психическими отклонениями. Надо вам это? Лучше поищите-ка жену в другом месте.

Костя повернулся к Веронике:

– Ты не хочешь, чтобы я смотрел? Тогда я не буду. – Он положил пухлый альбом на подоконник. – А какие у тебя психические отклонения? Нимфомания, надеюсь?

– Возможно, и это. У Вероники...

– Хватит! – рявкнул Костя. – Я не буду слушать гадости про свою жену. Пусть я человек не вашего круга, но я люблю Веронику со всеми ее отклонениями. Я откажусь жениться на ней, только если она сама этого не захочет. Понятно?

– Молодой человек, на полтона ниже!

– Прекратите называть меня «молодой человек»! Я муж вашей дочери, хотите вы этого или нет.

– Одумайся, доченька! – Отец горестно покачал голо-

вой. – Мы заботимся о тебе и только о тебе!

– Неправда! – От возмущения Костя уже не мог остановиться. – Вы заботитесь о себе, поскольку боитесь, что я здесь поселюсь. Так вот, не поселюсь! Пойдем, Вероника?

Она тут же вскочила со стула.

– Сегодня переночуешь у меня, а завтра снимем комнату. Тебе нужны какие-то вещи?

Кивнув, Вероника ринулась в комнату, но тут же была остановлена возгласом Нади:

– Отцу плохо!

Тот сосредоточенно массировал кулаком левую сторону груди.

– Надеюсь, даже ты неспособна уйти, оставив отца в таком состоянии!

Костя спросил, что обычно принимает в таких случаях Вероникин отец, и попытался открыть форточку, но Надя прошипела:

– Немедленно уйдите! Вы что, не понимаете, что именно вы довели его до сердечного приступа? А ты что стоишь, Вероника? Сейчас же звони в «Скорую»!

Веронике не верилось в папину болезнь. Названивая в неотложку и помогая отцу перейти на диван, она думала только об одном: как жаль, что невозможно уйти вместе с Костей. Она понимала, что вместо поцелуев и нежных ласк ей предстоит Надин разнос, который вот-вот начнется.

– Я могу помочь, – не унимался Костя. – Я почти врач.

– Убирайтесь!

Повернувшись к двери, Костя стиснул Вероникину руку:

– Малыш, я подожду тебя во дворе, да?

– Долго ждать придется!

– В самом деле, Костя, неизвестно, когда я освобожусь.

– Вы полюбуйтесь на нее! Отец тяжело болен, а она думает только о свидании с хахалем!

– Вероника, я буду во дворе, только на проспект за сигаретами сбегая. Выйдешь ко мне после «Скорой», хорошо? Если все в порядке, поедem домой, а нет – помогу в больницу устроить, может быть, еще что-нибудь понадобится... Короче, без тебя не уйду.

– А если до утра придется сидеть? Ты замерзнешь!

– Я же в форме! В шинели можно хоть на снегу спать, ничего не будет. Все, малыш, я не прощаюсь...

До приезда «Скорой» Надя успела объяснить Веронике, что та готова променять отца и сестру, вырастивших ее, на первого же подонка. А Веронике было стыдно, что она не чувствует ни вины, ни тревоги за папино здоровье... Она думала только о том, что Костя сидит во дворе и мерзнет.

«Скорая» приехала только через час. Лысоватый врач с мешками под глазами вяло осмотрел отца, снял кардиограмму, пробормотал что-то насчет ипохондриков, сделал укол анальгина и отбыл.

– Безобразие! – возмущалась Надя. – Как они смеют так относиться к больным!

– Тебе лучше, папа? – спрашивала Вероника. – Может, поспишь?

– Спасибо, я не хочу спать. Посидите со мной, девочки мои! Ох, я так переволновался! Дорогие, мы же одна семья, самые близкие друг другу люди, мы должны жить мирно!

Самый близкий Веронике человек в это время мерз под грибком на детской площадке, поэтому она сидела как на иголках, и папины проповеди ее не впечатляли. Но они продолжались – он все говорил и говорил о том, как важно заботиться друг о друге, и о том, что «никто не будет любить тебя так, как мы с Надей». А ей хотелось только одного: чтобы он замолчал и уснул. Она была уверена, что приступ был ненастоящим, сыгранным для того, чтобы оставить ее дома, и в то же время ей было стыдно за такие мысли. Наверное, ей просто удобно так думать, чтобы не волноваться за здоровье отца, – ругала она себя. Он пожилой человек, а скандалы не способствуют ровной работе сердца. Но чем больше она заставляла себя сочувствовать отцу, тем больше ей хотелось вскочить и побежать к Косте. Ах, ну почему все получилось так ужасно?..

Отец уgomонился только во втором часу ночи, и Вероника подбежала к окну: Костя стоял под фонарем, специально выбрав место, чтобы она могла его видеть.

– Я ухожу, – сказала она Наде.

– Куда?

– Меня ждет Костя.

– Я не позволю тебе уйти из дома ночью, словно проститутке! На тебе, похоже, пора ставить крест, но я не допущу, чтобы ты позорила нашу семью. Господи, да за что мне все это! Семнадцать лет я жизни не видела из-за твоих болезней! И только ради того, чтобы ты ушла к мужчине!

Вероника растерялась. Да, она много болела в детстве, но разве это повод, чтобы не выходить замуж?

– Ты просто не имеешь права так поступить! – продолжала Надя.

– Хорошо. Я выйду и скажу ему, чтобы шел домой.

– Так я тебе и поверила!

– Тогда выйди к нему сама, скажи, что я не могу оставить отца...

– Я не собираюсь бегать за всякими молокососами! – оборвала ее Надя.

– Но он мерзнет уже четыре часа! – крикнула Вероника, отталкивая сестру, не позволявшую ей подойти к двери.

– Ты кидаешься на меня с кулаками? Психопатка! – В Надином голосе Веронике послышались нотки торжества.

Еще час был потрачен на выяснение отношений. Вероника пыталась понять, чем ее замужество ущемляет Надины интересы, но сестра лишь скорбно качала головой и трагически повторяла: «Ты осмелилась поднять на меня руку».

Потом Вероника нередко сталкивалась с приемом, который тогда использовала ее сестра. Этот прием называет-

ся провокацией или моделированием поведения, и суть его проста: создай человеку такие условия, в которых он – если, конечно, он не ангел небесный! – поведет себя не лучшим образом.

Например, заведующего отделением клиники по каким-то причинам не устраивает хирург Иванов. Но придраться к Иванову нельзя, это добросовестный и компетентный врач. А давайте, ссылаясь на производственную необходимость, дадим ему пять палат вместо двух, а потом проверим, как он ведет истории болезней. Не идеально? А как у Иванова обстоит с научной работой? Ай-ай-ай, товарищ Иванов. Придется доложить руководству. А о том, что у Иванова не две палаты, а пять, главврачу знать совсем необязательно.

Только в три часа ночи ей удалось отправить Костю домой. «Не печалься, у нас вся жизнь впереди», – сказал Костя. Он ошибался.

Через два дня у Кости поднялась высокая температура. Вечером Вероника напоила его чаем с малиновым вареньем, укрыла потеплее и уехала домой. Да, ночевать приходилось дома, чтобы не спровоцировать новый сердечный приступ.

Утром вместо занятий она поспешила в общежитие – с аспирином, сиропом шиповника, шерстяными носками и сухой горчицей.

Костя выглядел плохо, он будто похудел за ночь, но это не

очень встревожило Веронику. Наоборот – ведь ей было так приятно за ним ухаживать!..

Даже когда стало ясно, что температура держится, несмотря на аспирин, а любые попытки поесть вызывают у Кости рвоту, Вероника не заподозрила опасности. Сама она еще не умела как следует слушать легкие, а над ее предложением вызвать врача Костя только посмеялся.

Потом она съездила на Некрасовский рынок, купила клюквы и сварила любимому кисель. Наврав сестре про очередное дежурство, осталась ночевать в общежитии.

Всю ночь они пролежали без сна, крепко обнявшись под одеялом. Костя рассказал, что уже присмотрел маленькую комнату в доме на Боровой, где снимали жилье многие курсанты: «Вот отец твой поправится, и сразу переедем, ты согласна?»

Конечно же, Вероника была согласна!..

Температура тем не менее оставалась очень высокой. Несколько раз Вероника поднималась, чтобы обтереть Костю уксусом, но это не помогало. А потом Костя вообразил, что она может от него заразиться, и потребовал, чтобы она ушла, но Вероника резонно возразила, что среди ночи ей все равно идти некуда.

«Сколько волнений из-за дурацкого гриппа! – проворчал Костя. – Ладно, ложись и спи, а завтра как миленькая пойдешь на занятия. Думаю, утром мне станет лучше».

Действительно, утром градусник показал 36,6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.